

Пролог

Трансильвания, 1706 год

— **Т**ьма надвигается, идет сюда...— прошептал худенький юноша с перепуганными глазами, напряженно вглядываясь в лощину, задернутую ночным сумраком.— Отец! Я не уверен в своих силах...

— Он не уверен! — гневно загремел голос из ночной темноты.— Пока твои братья и сестры изучали магию, сражались с вампирами, ты носился по лесам за валькириями, веселился с троллями в их мерзких тавернах, якшался с нечистью, вместо того чтобы охотиться на этих тварей! А теперь вся нечисть, которую мы убили за все века, вышла в наш мир! Собери все силы, нас должно быть тринадцать! Тьма идет сюда, остались секунды!

Как только он это произнес, цикады, которые надрывались в высокой траве, смолкли, и ветер донес с отдаленных холмов полный ужаса и тоски собачий вой. Словно повинуясь незримому сигналу, лес ожил, наполнился звуками хлопанья крыльев, шуршанием, треском веток; перепуганные птицы заметались в ночном небе.

От черного подножия дальнего леса отделились тени, только теперь это были не бегущие лесные звери, а медленная черная волна, сверкающая сотнями глаз. Даже в ночи она была настолько черна, что становилось больно глазам. Тьма, заполнив лощину, двигалась с неумолимостью чужой всему живому силы, от которой ночной воздух пульсировал ужасом.

— Начали! — скомандовал громовой голос во мраке.

Тринадцать фигур в длинных плащах, окружившие лощину, сбросили капюшоны и вскинули руки вверх.

В ту же секунду ночь наполнилась шепотом, а воздух начал потрескивать, будто пронизанный разрядами молний. Лощина начала сворачиваться в узел — земля прогнулась, изгибаясь в огромную воронку, посередине которой набирал силу бешено крутящийся смерч. Черный узел, пульсируя, схлопнулся, сжался в размерах до белой сверкающей звездочки, которая начала подниматься вверх, освещая пустую уже лощину белым ярким светом.

Раздался оглушительный грохот, и все вокруг окатило ледяным ветром.

Хлопья серебристого инея, как мотыльки, полетели вниз — посреди летней ночи, порхая, шел настоящий снег.

Юноша обернулся, услышав шорох невдалеке, но в ту же секунду ледяной шквал отшвырнул его в сторону, на припорошенную сизым инеем траву. Уже теряя сознание, он успел лишь краем глаза заметить, как один за другим падают замертво остальные двенадцать фигур в плащах...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ЖИЛЬЦЫ ИЗ ТРИНАДЦАТОЙ

Санкт-Петербург, август, 2010 год

Проводить четырнадцатое лето своей жизни в пыльном и душном центре Питера — хуже ничего не придумаешь.

Влада закрыла глаза, раскачалась на качелях как можно сильнее, подставляя лицо теплому ветру.

Сегодня последний день, когда можно бездельничать.

Завтра уже тридцатое августа, надо отгладить форму и сбежать за астрами для торжественной линейки. Форма маловата: надо будет отпороть подол у клетчатой юбки и подшить хотя бы тесьму — за лето Влада вытянулась, ноги стали длиннее, это уж точно.

Других собирали мамы и бабушки, которые уже всю суетились и бегали через двор с покупками для школьных занятий, а вот Влада уже давно привыкла заботиться о своих вещах сама.

Вообще, человек без родителей — он немножко не такой, как другие.

Когда некому тебе говорить, как тебе жить и что делать, то взрослеешь намного раньше сверстников, за которыми вечно носятся мамы и папы, решая любую, даже самую мелкую, проблему. А у Влады был только дед, за которым ей самой приходилось приглядывать,— в свои семьдесят старик иногда забывал о возрасте и мог полезть на стремянку вешать занавески или начинал варить себе крепкий кофе, хотя часто хватался за сердце.

Деда надо беречь, кроме него, никого и нет. Настолько никого, что старый телефонный аппарат в их квартире — допотопный, с крутящимся диском,— всегда молчал по праздникам, за исключением тех дней, когда кто-то начинал звонить после полуночи и вешать трубку. Последний месяц Владе даже пришлось выдергивать телефон из розетки, чтобы молчащий невидимка перестал их доставать ночными звонками.

— Эй, Огнева! Что, так никуда и не ездила этим летом? Торчала в городе? — громко спросила Анжела, высоко взлетая на соседних качелях и так откинув голову, чтобы еще эффектнее подметать землю длинными светлыми волосами.

Влада резко затормозила подошвами сандалий о гравий и остановилась.

Подруги, с которыми она более-менее общалась в младших классах, вырастая, менялись на глазах. Наверное, организмы у некоторых девчонок к старшим классам начинают вырабатывать вредность, даже голоса становятся одинаково противными.

— Что, язык проглотила, Огнева? — не отставала Анжела.— Я спрашиваю, куда летом-то ездила?

— Никуда, ты и так знаешь,— тихо ответила Влада.— За чем в десятый раз-то спрашивать?

— Как так можно, я не понимаю! — нарочито громко, чтобы услышали пожилые соседки на скамейке, возмутилась Анжела.— Я вот с родителями уже отдохнула в Испании и во Франции — в море каждый день купалась!

— А мы каждые выходные на дачу ездим,— поддакнула Полина, которая, как тень, повсюду следовала за Анжелой,

только изредка подавая голос. Полина была похожа на очень правильного совенка из какого-то скучного детского мультика, который Влада терпеть не могла.

— Мне и в городе нравится...— расстроено буркнула Влада.— Ясно?

Да и что еще отвечать, если и так понятно, что куда-то поехать отдохнуть для нее просто нереально?

Это Анжелу родители каждое лето возили туда, где море было невысказанно-прекрасного лазурного цвета. А самым дальним путешествием Влады была школьная экскурсия пасмурным осенним днем в Ботанический сад, после которой, кстати, она две недели провалялась с простудой.

— Тебе бы, Владочка, в санаторий или в Крым...— подключилась к разговору одна из сидящих на скамейке соседок, Нина Гавриловна. Ее полная фигура напоминала дрожжевое тесто, которому очень хотелось сбежать из необъятного платья расцветки «паника в цветочном магазине».— Да-а-а, трудно одному деду-то тебя тянуть... Наверное, дома и кушать-то нечего?

— Есть чего,— выпалила Влада, чувствуя, как от обиды перехватывает дыхание.— А дед работает!

— Работает?! — язвительно засмеялась вторая соседка, Марья Петровна, тощая шея и выпученные глазки которой делали ее похожей на суслика.— Ему бы лучше пойти и разобраться, почему перестали платить пенсию. Ведь столько лет проработал учителем, а нате вам, жить не на что стало! Я его в скупке встретила в начале лета, когда ходила сдавать пальто, пытался продать фигурки какие-то за бесценок. Мы ведь по-доброму тебя жалеем, люди-то все видят...

Влада промолчала, до боли закусив губу.

Чертовы соседки, везде суют нос, даже деда застучали с его подработкой.

А все началось с конца весны, когда у них пошла полоса какого-то катастрофического невезения. Скромную пенсию почему-то вдруг перестали присылать бывшему учителю истории и, сколько дед ни пытался разобраться — куда-то ез-

дил, звонил и ругался по телефону на волокиту и тупость,— отвечали ему одно и то же — ошибки в документах, разбираемся. А вот квитанции об уплате за квартиру приходили регулярно, причем оплата выросла настолько, что дед каждый раз даже надевал очки, не веря своим глазам.

Когда стало понятно, что денег скоро не хватит даже на еду, дед, сокрушенно крикнув, достал стремянку, полез на антресоли и после долгих поисков слез обратно с коробкой из-под сапог.

Усевшись за стол, открыл ее — внутри оказалась целая коллекция ракушек вперемежку с камнями и галькой. Потом сходил в прихожую за своей тростью, без которой он не выходил на улицу, и, покрутив ее в руках, осторожно отделил рукоятку. Внутри прятался раскладной нож, украшенный резьбой — витиеватыми буквами и листьями.

Отмалчиваясь на вопросы «что такое и откуда?», дед расстелил на столе газету, выбрал из коробки плоскую гальку с нацарапанной надписью «Сочи-1955» и, повозившись с минуту, вырезал из нее ножом забавную фигурку сидящего потурецки смешного гоблина с острыми ушками и крючковатым носом. Станный нож резал камень, как масло, и гоблин сверкал так, будто его долго и упорно полировали. В тот же день фигурка была продана, а довольный дед вернулся домой с сумкой картошки. Так и пошло дальше — как только на столе выстраивался ряд маленьких, с мизинец, деревянных и каменных гоблинов или троллей, дед тщательно упаковывал их в газету и нес продавать.

— Ты, Владочка, такая хиленькая растешь из-за плохого питания,— с деланой заботой покачала головой Марья Петровна.— В твоём возрасте девочки вон какие... посмотри на Анжелочку, глаза радуются. Ну кровь с молоком, ну чу-у-удо...

Анжела самодовольно улыбнулась, откинув волну золотистых волос на округлые плечи, а Влада с досадой трянула волосами, отбрасывая челку со лба.

Начинается...

Любая новая врачиха на очередном медосмотре начинала истерически выписывать отвар шиповника, глядя на хрупкую фигурку Влады, на слишком тонкие запястья, длинные ноги и худенькие плечи.

«Почему такие волосы — покрасила?» — недовольно спрашивала врачиха, морщилась, а Влада каждый раз начинала объяснять и соглашалась, что да, имя у нее необычное для девочки, да, и волосы тоже, и вообще она должна выглядеть иначе, плохо ест, да, анемия...

Хотя уродиной себя не считала — лицо было миловидным, с высокими скулами, большими серыми глазами и аккуратным подбородком. Да и волосами можно было гордиться — темными и идеально прямыми, длиной ниже лопаток, а их цвет... На ярком солнце они отливали зелеными, синими и фиолетовыми отблесками. Выглядело это настолько необычно, что Владе каждый раз приходилось отбиваться от вопросов, чем она их покрасила. Да ничем — всегда такие были, с рождения, сколько она себя помнила.

Да и имя ей свое нравилось — простое и в то же время какое-то далекое, как прохладные вечерние сумерки. Хорошее имя, и пусть некоторые говорят, что оно не женственное...

— Витаешь опять, Огнева, за своими туманными горизонтами? Совсем разучилась разговаривать, что ли? — слышался со стороны язвительный голосок Анжелы и хихиканье Полины.

— Олечка Огнева такая же была, — тут же встряла Нина Гавриловна. — Как сейчас помню — идет из школы, все оглядывается. Я ее спрашиваю — ты что, боишься кого-то? А она мне отвечает: «Нет, кажется просто, тетя Нина...» А что ей могло казаться? Ребенку-то?

— Это верно, — закивав головой, заключила вторая соседка. — Мне вот тоже иногда кажется, что по двору в темноте кто-то бродит. А валерьяночки выпью — и уже никого, только спать клонит...

«Где же деда-то носит, — с досадой подумала Влада, сделав вид, что разговоров больше не слышит. — Сам же сказал, что скоро вернется и пойдем в магазин».

В этот момент из темной подворотни показался сухенький сгорбленный старичок в шляпе. Он был одет в потертый, но аккуратный синий костюм. Из-за большого орлиного носа и внимательных строгих глаз под нависшими косматыми бровями лицо его напоминало усталую хищную птицу, которая уже давно не может летать.

Шел он медленно и осторожно, трясущейся рукой опираясь на палочку, а в другой держа объемистый пакет с обычным набором «из магазина» — несколько килограммов картошки, кабачки, хлеб и кефир.

— Дед! Стой! Я сейчас! — сорвавшись с качелей, Влада кинулась ему навстречу, подхватывая тяжелую сумку.

— Добрый вечер, Вандер Францевич! — фальшиво-заискивающе пропела Нина Гавриловна. — А вы из магазинчика, а вы все хлопочете... Я завтра зайду к вам, принесу лекарства, мне удалось достать дешево, со скидочкой... Вы такой молодец, что внучку в одиночку тянете...

— Добрый вечер, большое спасибо, — сухо ответил дед стариковским надтреснутым голосом, учтиво приподнял шляпу и ускорил шаги, чтобы побыстрее удрать от назойливых соседок в подъезд дома.

— Без меня в магазин пошел и ничего не сказал, — ворчала Влада, втаскивая пакет с продуктами на третий этаж. — Тебе же нельзя тяжести носить, как ты не понимаешь?

Дед в ответ только пробурчал какую-то тарабарщину, гремя связкой ключей в замке. Когда он не хотел отвечать, то частенько демонстрировал знание редкого южнославянского наречия, выученного еще, как он говорил, на прежней работе.

Влада сразу же кинулась на кухню готовить ужин, и уже через полчаса в их большой квартире с высокими потолками замечательно запахло жареными кабачками, которые шипели в масле на сковородке.

Дед тем временем сосредоточенно гремел чашками в раковине, хлопал дверцами кухонного шкафа и боролся с чайником, который никак не хотел свистеть своим сломанным

носиком. В конце концов старик бочком уселся за стол, схватил с подоконника старую газету с рекламными объявлениями и развернул ее, отгородившись от внучки, будто ширмой.

Влада поставила на стол тарелку с румяными обжигаящими ломтиками кабачков, открыла пластиковую баночку холодной сметаны, покромсала мягкий хлеб — дед не признавал уже нарезанного, в пакетах, называя его издевательством над личностью.

— Много троллей сегодня продал? — спросила Влада, подцепляя на вилку кабачок и обмакивая его в холодную сметану.

— Нет. За квартиру не заплатил, не хватило, — отозвался дед, прихлебывая что-то из чашки.

— Что ты там пьешь? Опять кофе?!

— Нет-нет, это цикорий, — разоблаченный в своих махинациях старик бросил газету на подоконник и поспешно вцепился в свою любимую треснутую кружку с полустертой Эйфелевой башней в облаках. Хоть он и пытался неловко прикрыть чашку ладонью, но по кухне уже предательски поплыл ароматный дымок крепко сваренного кофе.

— Ага, понятно. — Влада строго взглянула на старика. — Цикорий, значит? А за плитой ты что прячешь? Банку с кофе? Так? Веником прикрыл, думаешь, я не найду?

— Что-то сердце кольнуло, — быстро сказал дед. — Ты не могла бы принести мои таблетки?

Знакомый и хитрый ход — пока внучка будет ходить за таблетками, он мгновенно выпьет свой кофе и быстро сполоснет чашку, чтобы скрыть следы преступления.

Когда Влада вернулась обратно в кухню, чашка с Эйфелевой башней, чисто вымытая, уже стояла у раковины. Вот это скорость...

— Ешь свой валидол, раз я за ним ходила.

Дед, поморщившись, подержал таблетку в руке и положил обратно на стол.

— Отпустило уже, — махнул он рукой. — Что-то последнее время мне беспокойно. Предчувствие нехорошее, что ли...

— Предчувствие чего? — Вилка с кабачком замерла в воздухе, а Влада внимательно взглянула на деда. — Это из-за ночных звонков, что ли? Так давай совсем отключим этот дурацкий телефон уже! Все равно никто не звонит, кроме рекламных агентов, да еще какой-то идиот по ночам в трубку молчит.

— Может, это тебе звонят? — с легкой надеждой спросил дед. — С мальчиком поругалась или с подругой?

«Чтобы с мальчиком или с подругой поругаться, для начала их надо завести», — подумала Влада, но вслух ничего не ответила.

Все и так ясно, чего боится дед, — что с ней что-нибудь случится, как с мамой.

Дед нукудышный психолог — стоит только ему услышать от нее про какую-то подростковую проблему, как он тут же теряется и начинает паниковать так, будто завел дома очень редкую породу зверька и теперь не знает, чем его кормить. Или еще хуже — начинает метаться по квартире, залезает на стремянку и скидывает вниз с антресолей перевязанные бечевкой стопки пожелтевших книг.

Названия у большинства из них начинаются со слова «Как...», а дальше возможны варианты. «Как обрести уверенность в себе», «Как общаться со сверстниками», «Как избавиться от страхов» — и прочая ерунда. И каждая книга аккуратно подписана на самой последней странице: «Из библиотеки Оли Огневой», потому что покупались все эти книги для мамы.

Владе они казались маленькими предателями, которые должны были, но не спасли маму от чего-то ужасного.

Уничтожив почти все свои фотографии, Ольга Огнева бросила институт и исчезла из дома навсегда, когда Владе был всего-то месяц от роду. Дед однажды проговорился, что у Ольги после рождения дочери началась жуткая депрессия, приступы паники и ужаса, хотя Влада никак не могла понять, как такое могло случиться с человеком, которому всего-то девятнадцать лет?

Осталась только одна школьная фотография — серьезное узкое личико под белокурой челкой трудно было разыскать

среди трех десятков одноклассников. Влада часто вглядывалась в мамино лицо, пытаясь понять, чего она так сильно испугалась, от чего так панически бежала, с тех пор ни разу не подав о себе вестей? Обижаться и злиться на нее Влада почему-то не могла — мама выглядела страшно неуверенной и подавленной даже на этой последней оставшейся фотографии.

Все вещи Ольги теперь бережно хранились в отдельном стенном шкафу в самом дальнем уголке квартиры. Иногда, когда оставалась дома одна, Влада открывала шкаф, садилась на порог, всматриваясь в его пыльную темноту, и перебирала мамины вещи. Их было не так уж много: старая вместительная синяя сумка с потертым значком «Политехнический институт»; туфли с заломанными задниками; пара зимних теплых перчаток; потемневшие, будто потерявшие солнечный свет, бусы из янтаря; стопка детских рисунков. Все они были одинаковыми: мрачные, заштрихованные до черноты листки бумаги, на которых странная тень выглядывает из-за угла дома. Рассматривать рисунки Влада не любила — потом снились неприятные тревожные сны.

Иногда Владе казалось, что мама спряталась где-то там, в глубине шкафа, за рядами стареньких пальто и кофт. Мама хочет что-то сказать, но боится, очень боится... Как только в замке начинали греметь ключи, Влада успевала все быстро сложить обратно, захлопнуть шкаф и встретить деда с улыбкой на лице.

— А может, это он звонит? — спокойным голосом предположила Влада, стараясь, чтобы не дрогнул голос.

— Кто — он? — не понял дед.

— Ну... отец.

Слово «отец» произнести было трудно, оно было непривычным и чужим. Этот человек не появился в ее жизни ни разу. Не прислал письма. Не позвонил. У Влады не было ни одной его фотографии, а дед в ответ на все ее вопросы объяснял, что никогда этого человека не видел и даже не знает его имени. Поэтому отчество у Влады было взято «с потолка» — Александровна...

Сейчас дед горбился, сделав вид, что рассматривает в рекламной газете что-то необычайно интересное.

— Как ты думаешь? Вдруг он вспомнил про меня, решил появиться, узнал наш телефон. Только не знает, что ему говорить, и молчит?

— Что-то опять нехорошо мне, — старик приложил руку к сердцу, закатив глаза в потолок. — Принеси мои таблетки, пожалуйста...

— Да они перед тобой лежат.

Поняв, что разговор закончен, Влада поставила в раковину тарелки — вымоет перед сном, и, перед тем как выйти из кухни, успокоила деда:

— Ты не думай, я отца не хочу видеть. Если я ему не нужна, то и он мне тоже.

— Ты гордячка, — с печальной улыбкой заметил дед. — Олечка тоже была такой... Нелюдимой. Знаешь, внучка, тебе нужно больше общаться с людьми.

— Я и так с ними общаюсь, — заверила деда Влада. — Через два дня школа начнется, будет этого общения — завались. А пока я от людей отдыхаю.

— Нет-нет! Ты не должна так говорить! — всполошился старик. — Вот увидишь — пройдет время, и у тебя будет очень много подруг и друзей, обязательно!

Влада поняла, что сболтнула лишнего — нельзя быть настолько откровенной.

Паника в глазах у деда говорила о том, что сейчас он снова полезет на антресоли за «теми» книгами и будет балансировать на шатающейся стремянке, скидывая вниз рулоны пыльных обоев и подшивки журналов «Наука и жизнь» за какие-то древние годы. Пока этого не случилось, нужно что-то срочно придумать.

— Меня Макс Громов пригласил на дворовый матч, в восемь вечера, — сделав упор на последние два слова, соврала Влада. — Я часик посмотрю, ладно?

Дед расцвел так, что даже как-то неловко стало, да что поделаешь. На самом деле Макс Громов, который был звездой

